

Ксения ФОМИНА

*

Ленинск
ленится
стряхивать
угольные снежинки
с ресниц
у городских лиц.
их глаза – чёрные
линзы –
лижут
и прячут красоту.
на каждом углу –
магазины:
магниты,
ониксы,

мари-ра,
которые не любят
вставать по утрам.

люди
между собой
спорят,
превращаясь
в бездомных собак.
и не объяснит город
этим глупым

никак,
что они –
создатели
своего горя.

Ленинск
напоминает загадочный
Сайлент Хилл,
но всегда найдётся
человек, который
его таким
полюбил.

*

– чтобы поэт писал, он должен страдать, –
говоришь мне ты и намазываешь клеем мои веки,
а после соединяешь их вместе,
как когда-то соединял наши пальцы.
– чтобы поэт писал, он должен страдать, –
говорит мне лучший друг и кладёт на мои вены
тысячу пиявок, как когда-то прикладывал к ним

подорожник, ещё не зная, что он не помогает.
– чтобы поэт писал, он должен страдать, –
говорит мне отец и ставит меня в угол коленями
на горох, как когда-то смывал с них кровь
и заклеивал раны пластырем.
а я еле слышно шепчу, едва размыкая губы:
я не поэт, мне просто нравится
разговаривать с белым листом.

НЕЖНОСТЬ

смотрит как снег покрывает поцелуями его голову
и возникает снова на кончиках пальцев ног,
продолжая своё путешествие по коленям и ключицам.
спрашивает шёпотом, разглядывая глаза нежности:
что ангелы с ним делали,
если в этом мальчике красоты больше, чем во мне?
мальчик трёт сонные глаза и улыбается:
не вздумай прогонять меня из своей жизни –
я не уйду.
и натягивает одеяло сильнее,
покрывая поцелуями колени нежности.